

Анна Писанова

Я была счастлива 14
лет

документальная
повесть

16+

Анна Писанова

Я была счастлива 14 лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804276

SelfPub; 2021

Аннотация

Проникновенный рассказ о судьбе простой русской женщины. Революция, война, сиротство – всё это стало детством и юностью деревенской девочки российской глубинки. Эта документальная история написана ею самой, на её деревенском языке. Уникальные сведения истинной жизни провинции, её неповторимый, самобытный язык вплетены в ткань сюжета. Только удачное замужество "убегом", рождение детей стали отрадой женщины, вытянувшей из себя жилы, чтобы вдовой фронтовика вырастить дочь и троих сыновей. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Анна Писанова

Я была счастлива 14 лет

Я родилась в 1910 году в Житарях. Умерла мама, мне не было четырёх лет. Жила я с отцом два года. Он женился. Мне очень было жить трудно. Были принуждённые взять к себе дедушка и бабушка, и мамин брат со своей женой. Как им сказали посторонние люди, что ваша сиротка очень плохо живёт: гоним коров в табун и смотрим, на площади лежит, спит девочка, и узнали, что Гаврилы Семёнача сиротка. И пошли ему сказали, что так нельзя делать: спит по ночам на улице, то – на завалинке у двора. Как я играю и усну – присмотру нет. Вот тогда мамыны родители и приехали за мной.

Но отец не отдавал меня, потому что у них народилась девочка, я нужна была нянчить. Но бабушка, мамина мать, уговорила отца. И вот, помню, как приехали они за мной: дядя и бабушка. И повезли. Я стояла в ходке, держалась за края ходка, а отец шёл возле ходки, и его спрашиваю: тятя, ты со мной? Он отвечает: с тобой, с тобой, доченька. Я была довольна, что он идёт рядом с ходкой. И вот доехали до последнего дома деревни, и отец спрятался за дом, а я, как зевну, и так заревела. Дядя ехал быстро, и я до самой деревни орала: ой, тятя, ой, тятя! В деревню Новокумляк, 12 километров от дома. И это я всё помню.

Привезли, и вот я им дала работу: одна тётя топит баню,

вторая тётя шьёт рубашку и платья, а дядя мне стригёт волосы. Когда остриг меня, тётя повела в баню. И она мне мыла голову сильно горячей водой, ей жгло руки, а я не плакала, я рада, потому что у меня была коростина во всю голову, под ней – вши. И вот поэтому я не слышала, что мне жгёт вода горяча.

После бани меня накормили и спать уложили. И я около двух дней спала. Меня следили: подойдут, послушают, что дышу и не трогают. Когда я проснулась, мне показалось так светло, так светло! Я это всё помню.

Детство мое тижолое, трудное. Нас было 10 человек, дедушка Андрей Тимофеевич, бабушка Евгения Федоровна, дядя Демитрий Андреич, его жена тетя Анна Егоровна, тетя Стиклетиния Сергеивна, жена дяди Пети Андреича, он погиб, тетя, мамина сестра Анна Андреивна. У тети Стиклетинии было трое детей, был мальчик, он скоро помер после отца. У тети Анны была девочка Мария, и я десятая, да еще две девочки дяди Пети дочери, и вот нас было 10 человек. И вот помещались, в двух комнатах спали: дедушка на голце это называлась пристройка к печи, деревянная пристройка, а бабушка на полатах, она была с краю, рядом тётя Стиклетиния, рядом её две дочери. А я рядом с ними у стенки, но было мне неловко спать, где я спала, тут был бугор и яма такая, плоха верхняя доска, и я всю свое детство спала тут на одном месте и мне сильно было неудобно. Я подстилала одежду, а надо мной смеялись, что мякожопая, я им говорю, что у меня

бугор и яма, оне, как не слышут, потому что нету мамы. За столом я сидела против угла, мне было очень не удобно тянутца хлебать, потому было из одной чашки, больше не было места, если мне не нравитца, они скажут: не ешь. А Рая, дочь тети Стиклетинии, она скажит, что ей нравитца, то ей другово дадут, а я зареву, что ей дали гаворят: она помлачше. Ей было 8, а мне 10 лет. Ты ведь нездешняя, ежай к отцу, оне скажут, я замолчу. Я боялась, как бы меня не увезли к отцу, я его не любила и боялась, и сразу замолчу. На посылках везде только меня посылали, когда я стану одеватца пальто, то кричат: быстреея. Я до чего привыкла быстра – ни когда пуговики не застегивала в избе, только на улице, пока бегу по дороге застегну. Если я сяду под кухонное окошко, то дедушка на меня закричит строго, что уйди от окошка, я быстро уйду. Много сидят в избе и говорят обо всём, и мне тоже охота сказать что-нибудь, и вот я скажу что-нибудь, а дедушка на меня взглянит и закричит, что замолчи и, что я похожу на отца, и он не любил отца и меня ненавидел и часто ругал. Я его боялась до возрасту лет, когда бабушка заступитца за меня, а другой раз меня уговариват: ладно потерпи ты ведь лишняя, вот он и ругаетца. Бабушка была добрая, она всё добром меня уговаривала.

Етот дядя Демитрий, который меня привёз от отца, у него не было детей, я его звала Лёля, меня так приучили. Была война германская, и он попал в плен. Пять лет он был там. Я за ето время подросла. Когда он пришёл из плена, я была

у невесты, смотрела свадьбу. Меня вызвали на улицу и сказали: айда, у тебя дядя пришёл с плену. Я побежала, подхожу к дому и удивилась: столь народу было, полна комната, и в сенях, и у двора. Он с родными сидел за столом, и вот провели меня вперёд, и он увидел меня, и кто-то взяли, и к нему посадили на колени, и он очень крепко прижал к себе, и поцеловал, и даёт мне гостинцев.

В плену, в Германии, голодовал дядя Митрий сильно. Писал нам: вы пишете, что стряпаете собаке Ряпчику лепёшки с травы чёрные, а я бы рад етим чёрным лепёшкам. Нас, если выпускают на волю, то мы бежим к помойным ямам, кто вперёд, и накладываем ведро, и промываем водой. Там кожурки всякие и рыбны кости, что попало, то и едим.

И вот я начала с двумя дядями жить, оне все меня жалели. Поедут в поле, попрошусь – оне возьмут. И там шутят со мной. Станем обедать: дядя Петя возьмёт яички, моё спрячет и сам спрячется, и я его ищу.

Тётя Нюра с дочкой взамуж вышла, Лёля меня взамуж выдал и другую, Раю, тоже взамуж выдал. Тётю Стиклетиню отделил, врозь с дочкой остались, дедя и баба и Лёля, и тётя. Лёля измучился с нами, сиротами. Мы все были сироты. Вся семья была сиротская. И вот он нас вырастил, всех по хорошему, всем свадьбы делал, мы его любили. Если его нет, то нам скучно, как приходит, нас развеселит. Зачнёт шутить. К нашему балагану много народу приходило, мне говорят: какой весёлый дядя Митрий. Как-то один год молотили у дяди

Сани Совенкова, обедать пошли к ним в дом с гумна, он так чудно шёл, интересно, все со смеху падали, наль скулы больно. Матершинные слова никогда не говорил, а шутить умел.

Бабушка грустная, у ней много горей. Ей было тижоло. Когда улыбается, то мы были рады её улыбке, мы её жалели. Очень она была добрая. У ней столь было горей. Первое горя – мама моя умерла. Тут дядя Петя умер на фронте, троих детей оставил. Лёля был в плену в Германии 5 лет, дочь тётя Дуня умерла, пять детей оставила, вторая дочь её – Нюра разошлась с мужем, с дитём осталась, молоденькая. Вот мы её жалели. Деда помер быстро и не болел, ударило его в голову и на третий день помер, остались мы троя.

Зачали стонять в колхоз. Лёля подал заявление в колхоз вступить, но его не взяли: у тебя был дедушка церковным старостой. И вот Лёлю стали прижимать хлебом. Вёз в развёрстку 100 пудов. Он увезёт, оне ещё накладывают. Он выплатит, оне на догон ещё наложат. У него нет даже для себя, а оне: давай. Он покупал хлеб, увезёт, оне – ещё давай. У него – ни хлеба, ни денег нет. Откуда у него деньги: сирот одевал, отдавал взамуж. Тогда его повели в свою каталашку, так у нас звали. А потом, на другой день его увезли на Пласт. Мы с двоюродной сестрой всё передачи ему носили и всё плакали: зачем посадили, он вырастил всех нас. Посидел на Пласту в тюрьме пять дён, и увезли дальше. Он сидел в Мнатагорске два года, и приехал Калинин в Челябинск, и освободил его в 34 году. Пришёл домой и уехал на Пласт.

Полгода жил у нас. Помню, двоюродная сестра Клава дала ему каши пшеничной варёной, в газетку завернула. Он принёс к нам, бабушка сидела на дворе, он подал прямо в газетке, и баба рада тут же съела, вот до чего была голодная. Эти годы были очень голодные, весь народ голодовал. Купил он, мы все сироты ему помогали, каркасик, маленьку избёночку, две маленькие комнатки. И так рад был! И говорит: хоть отдохну под старость лет. Не больше полтора года прожил, и его в 37-ом году взяли, в 12 часов, и увезли на хотке неизвестно куда. Как будто бы в Камышлов город, и там помер будто бы по своей смерти, по старости. В 41 году прислали выключку и денег 1200 рублей, в милиции сказали, что он был враг народа, а теперь с него его сняли и за ним ни чего не числится.

А потом слышали, что, как вечер, полну машину насаждают, и увезут за город, и их расстреляют, а вечером едет пустая машина, ихни жители говорили. И так всю тюрьму расстреляли. Вот и кончилась его жизнь, так он и не жил, как люди жили.

А тётя Анна Егоровна осталась одна, жила в етой домишке, а потом её сестра переманила к себе. И сестрин муж взъелся на неё, и тижолая её жизнь была. Так и тижолая её смерть была: упала на ванну, зашибла сердце.

Лет 7 или 8 было мне, я гналась за тётей Егоровной, Лёли не было дома, он был в плену. Тётя пойдёт к подруги или к родне и я тоже за ней, она меня с собой брала, и я привыкла

с ней ходить. И это долго я за ней гонялась, и вот как-то в сумерки я хватилась, а тётки нет в избе, тогда и летонула к тётке Просвирни, а уже темненько было. Я подбежала к окошку и кричу: тётя Анута, – они жили рядом, – тётя наша у вас? И вот повернула я голову на полусадик, а из него выходит, прямо на меня напирает, какой-то чёрт: без головы, мохнатый. Я очень напугалась и пятком пчусь до самого дома, и говорю тихонько: я тётю ищу. А чёрт ни чего не говорит, а на меня идёт молчком. Я тихонько говорю: тётю мне надо. И дошла пятком до ворот до своих, и как открою и рысью в сени, их – на защёлку, и вбежала в избу белёханька. И с рёвом – к бабе, и ей рассказываю, что ходила искала тётю нашу к тётки Просвирни, а из полусадика вышел чёрт без головы и шёл за мной до нашего дому. Бабушка догадалась, что меня отваживают от тётки Егоровны, это они шубу выворотили мохнатым, и так она смеялась надо мной, и говорит: не надо ходить за ней. И с тех пор я не ходила за тётей.

Когда мне было 8 лет, мне бабушка говорит: сходи к маме своей на кладбище, крест поцелуй, цветочков нарви на крест воткни, уряди мамин крест и домой беги. Мама скажет: вот моя доченька поправедывает, она очень довольна будет. Это у меня впало в голову и так внушило мне, и вот я играю с подружками и вспомню про маму, и говорю подружкам: пойдёмте к моей маме. Оне согласятся и побежим, веночек совьём и повесим. Помолюсь и поцелую крест, и побежим домой. Бабушке кричу, что мы ходили к маме. Так продолжалось.

Как-то один день говорю подружкам: пойдёмте к маме, а оне отказались. И я одна пошла. Подхожу к окошку и кричу: баба, я пошла к маме. Она говорит: поди, поди, мама тебя ждёт. Вот я побежала вприпрыжку. Прибежала, поцеловала крест и побежала домой. Полынь выросла высока, я как в лесу, выше меня, да густа. И вот вдруг я увидала: бежит телёнок, большой, тёмный, рыжий – за мной. Я сильно испугалась и сколь было сил бежала до первого двора, и забежала во двор, спряталась. Я долго стояла. Вышла – его нет. И я ещё сильнее побежала домой. Прибежала и бабушке рассказала всё. И она мне сказала, что больше не ходи, а-то быки запинаят. Я не пошла.

Училась я в школе, в первом классе мне 8 лет было. И вот был у меня учитель Андрей Семёнач. У меня была подрушка Нина Житмарева и Дуня Забродина, котора рядом со мной жила. Нина поповска дочь, и я её очень любила, и всё к ней заходила в школу. А батюшка, её папа, всё шутил со мной. Я не смела, он ведь – батюшка. У двора постою, её дождусь.

Я вспоминаю, первый учитель Андрей Семёнач Арсеньев – какой был он хороший! Как мы его любили! Я часто рассказывала, бывало, детям даже то недолгое время, когда он нас учил. Я помню это всю жизнь. Был такой случай. Андрей Семёнач читал, а мы водили пальцем по букварю. Где он остановитца, там и мы должны остановица, на том же слове. А он ходил и смотрел у каждого: правильно ли мы держим палец. Вот он подошёл к своей дочери Клавуне, с которой я сиде-

ла на одной парте. А она не правильно держала палец. Он строго укорил её за невнимательность. Я испугалась: вдруг я тоже не правильно держу палец. Он посмотрел, погладил по голове меня и сказал: молодец, правильно. И пошёл дальше. Я оглянулась, погладил также мальчиков и девочку. И сказал: молодцы, умеете читать.

Ещё запомнила, как утром мы придём к школе, в воскресенье, и поведёт Андрей Семёнач в церковь. В ряд составит, а сам идёт с боку. И придём в церковь, и мы встанем вперёд, а он позади. И, как мальчики оглянутся, или девочки, то он пальцем погрозит. И мы его слушали. Все его любили.

Ещё запомнились наши школьные большие перемены. Бывало, если тепло на улице, выйдем на полянку, он поставит девочек, мы ходили, взявшись за руки и дружно пели: уж мы сеяли, сеяли ленюк. А мальчикам давал задание: бегите вон до того дома, кто быстрее обратно прибежит. Кто прибежал вперёд, он слёту подхватывал на руки и поднимал высоко над собой. Мальчишкам это очень нравилось. Они бежали, сломя голову.

До сих пор не забыла я, как мы первый раз пели Интернационал. Раньше, бывало, приходим в школу, к углу, где стояла икона. Девочки стоят с одной стороны, мальчики – с другой. Старшие ученики «Отче наш» прочитают, а младшие – другую молитву. Так – каждое утро. И вот однажды утром по привычке прибегаем и встаём, как всегда. Смотрим, а иконы нет. Приходит Андрей Семёнач и говорит, чтобы мы шли

в другую комнату. Собрались, он сказал: будем петь Интернационал. А вот старшие запели, а мы должны были тоже учиться. Другой раз Андрей Семёнач уже ходил между нами и прислушивался – кто как поёт. Одну девочку спрашивает: почему не поешь? Она отвечает: мама не велела. Он к другой, та – тоже. Подошёл ко мне: баба не велит. Так как я была сирота, матери не было, то я и сослалась на бабушку, хотя она мне ничего не запрещала. Но, раз подружки сказали, глядя на них, тоже так сказала. Андрей Семёнач не ругал, не приказывал, он только погладил каждую по голове и так ласково сказал: надо петь, надо петь обязательно, завтра будем петь все Интернационал. Пришла я домой и рассказываю бабушке, что нас Андрей Семёнач заставлял петь не молитву, а Интернационал. Хоть бабушка и моленная была, но сказала: надо петь, что велит Андрей Семёнач, надо слушать, он – человек умный.

И вот бегу на другое утро радёшенька, что бабушка не запрещает петь. В то утро Андрей Семёнач ни к кому не подходил, пели все. Последнее, что запомнилось: приходит ко мне подружка Нина, поповска дочь, позвала меня на заднее крыльцо и сквозь слёзы говорит: Нюра, ты слышала, что Андрей Семёнач расстреляли? Так жалко нам его стало, что мы сели на крыльцо и плачем.

Выходит бабушка: кто вас обидел? Нина отвечает: злые люди обидели, расстреляли нашего хорошего учителя. Бабушка стала тоже горевать. А мы разревелись ещё больше.

У Андрей Семёнача я до четвёртого класса и его половина я поучилась и бросила, потому, что его расстреляли, и поспежал. Уехал ночью, и Нина уехала, дочь, я её очень любила, она была культурна, умная, ласковая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.